

АНАТОЛИЙ САФРОНОВ

Капитализм без среднего класса

Кризис современного мира обусловлен, прежде всего, хроническим сокращением покупательского спроса. Вместо того, чтобы выплачивать нормальные заработные платы, владельцы крупного бизнеса, стремящиеся к максимальной прибыли, сдерживают и сокращают доходы своих работников. При этом массовое потребление по «высшему стандарту» остается неприкосновенным идеологическим фетишем индустриального Запада. В итоге растущие потребительские запросы жителей «богатых» западных стран давно не подкрепляются их реальным заработком.

Последние двадцать с лишним лет в США и Западной Европе рост товарных продаж, а значит — и рост экономики, стимулирует не увеличение доходов населения, а безудержное, неограниченное кредитование частного сектора. Люди, компании и целые государства вроде Греции или Исландии легко брали кредиты и жили в долг, бездумно тратя те средства, которые им не принадлежали. В результате все они попали в капкан сложных процентов, из которого невозможно выбраться обычным путем¹. За счет финансовой подпит-

ки американского потребительского рынка глобальный спрос поддерживался необеспеченными долларами, выпускаемыми Федеральной резервной системой США. Но эта поддержка, полезная для самих США, обернулась для остального мира, особенно для периферийных государств, глубоким погружением в трясину слаборазвитости и зависимости.

Новейший экономический кризис, впрочем, имеет не только финансовую подоплеку, но и социально-политическое основание. Даже апологеты глобальной экономики сегодня нехотят, но соглашаются с тем, что западная либеральная версия капитализма с опорой на массовое потребление, политическую демократию и многочисленный средний класс себя исчерпала. Действительно, на протяжении второй половины XX века капитализм представлял перед очарованными массами в блеске вещественного изобилия, политической всеядности и технологического великолепия. Но в наши дни образ «прекрасного свободного мира» потускнел и покрылся сетью трещин.

Современный капитализм, превратившийся к середине 1990-х в единую

¹ Еще К. Маркс отмечал, что «единственная часть так называемого национального богатства, которая действительно находится в ведении современных народов, — это их государственные долги» (**К. Маркс**. Капитал. — **К. Маркс, Ф. Энгельс**. Сочинения. Изд. 2. Т. 23. С. 764).

глобальную систему, достиг пределов накопления и вступил в эпоху неотвратимого социального разлома. В США и в Западной Европе идет открытое наступление на интересы среднего класса, который утрачивает бывшие привилегии, беднеет и постепенно загоняется в тиски². Не только в лимитрофах Западного мира — в Греции, Прибалтике, Румынии, Болгарии, но и в странах промышленного центра — в Италии, Великобритании, Швеции, разрыв между богатыми и бедными становится все более угрожающим. Либеральное государство благоденствия сталкивается с опасным явлением «нового пауперизма». Ощущая сильное политическое давление со стороны

предельные, антилиберальные, мутантные социальные формы он способен преобразоваться в ближайшее время? Предлагаемая статья — предварительная концептуальная попытка ответить на эти вопросы.

В наши дни любой здравомыслящий человек, обеспокоенный надвигающимся переворотом, хотел бы знать: какие социальные альтернативы доступны глобальному миру?

«новых униженных», правящий класс индустриальных стран пытается найти безопасный для себя выход из сложившейся драматичной ситуации. И такой выход заведомо предполагает отказ от идей либерализма, прав человека и свободы политического выбора.

В наши дни любой здравомыслящий человек, обеспокоенный надвигающимся переворотом, хотел бы знать: какие социальные альтернативы доступны глобальному миру? И вообще, есть ли будущее у капитализма, в какие

Чтобы обозначить ближайшие перспективы глобальной эволюции, прежде всего определим ее базовые, неизменные черты или системные параметры. Начать здесь следует с определения политэкономической сущности новейшего глобального порядка. Важно помнить, что современная мировая экономика отнюдь не преодолела, не «сняла» капитализм, как беспочвенно полагают сторонники теорий информационного или постиндустриального общества. Сейчас, как и в XIX или XX столетиях, системное ядро глобального хозяйственно-политического строя по-прежнему остается откровенно капиталистическим. Понятие «капитализм» очень не любят приверженцы либерально-предпринимательской идеологии. Но обращение к нему является для нас методологически необходимым. Опора на многогранный концепт «капитализма», соавторами которого были Карл Маркс и Вернер Зомбарт, облегчает выявление системных противоречий глобального мира и способствует предсказанию его вероятных будущих мутаций.

Почему мы так уверенно говорим о «капиталистической природе» современного мира? Дело в том, что капиталистический способ производства представляет собой динамическое единство трех моментов:

— универсальной товарной формы, которая превращает любой объект,

² Об истоках современного глобального натиска на позиции среднего класса см., например: Д. Харви. Краткая история неолиберализма. М., 2007.

подпавший под ее влияние, в вещь, товар и предмет спекулятивного торга;

— прибавочной стоимости, создаваемой трудом наемных работников, чьим материальным воплощением в конечном итоге становится прибыль;

— накопления — непрерывного, периодического наращивания капитала, замыкающего формулу $D-T-D'$ и одновременно запускающего ее новый цикл.

Наличие указанных моментов легко обнаруживается в деятельности любого частного коммерческого предприятия. Те же составляющие, только представленные в мегамасштабе, мы без усилий найдем в любых глобальных экономических взаимодействиях.

Однако универсальной товарной формой, прибавочной стоимостью и безграничным накоплением суть капитализма, конечно, не исчерпывается. В политическом аспекте, который предполагает деление всех людей на «своих» и «чужих», базовым основанием капитализма оказывается принцип частной собственности. Интегральным основанием для бесконечного круговорота товаров и прибылей, реализующего себя в накоплении или в экономическом росте, выступает частное владение и распоряжение средствами производства. В более широком плане под «частной собственностью» понимается обособленное: индивидуальное или корпоративное владение средствами обращения (банковский капитал), транспортной инфраструктурой всех типов, орудиями культурно-идеологической манипуляции (СМИ).

Причем сами права собственности не столь «безобидны» и «нейтральны», как это может показаться на первый взгляд. Они не сводятся к юридическому или контрактному владению каким-либо имуществом. Права собственности очерчивают и определяют, хотя и не всегда явно, жесткую границу, пролегающую между правящим классом финансовой буржуазии и подчинен-

ным классом наемных работников. Вспомним Маркса, который указывал, что «посредством принципа частной собственности буржуазия превратила личное достоинство человека в меновую стоимость»³.

Частная собственность — могущественный политический фактор. Она вовлекает в поле своего контроля и затем ограничивает все виды активности, существующие при капитализме. Не только экономические, но и социальные, культурные и технологические контакты здесь всецело подчинены доминирующим отношениям собственности. Да, индустриализм, или крупное машинное, конвейерное производство, формирует довольно крепкую и частично автономную технократию или техноструктуру. Согласимся с Дж. Гэлбрейтом, утверждавшим, что немалая доля власти в современной крупной индустрии перетекает от собственника к управляющему, эксперту и инженеру⁴. Но тезис того же Гэлбрейта о «распылении», или «преображении», частной собственности необходимо отвергнуть. Управляющий фирмой, эксперт или инженер в индустриальном/капиталистическом обществе всегда действует от имени и по поручению крупного собственника. Любое намеренное и серьезное отклонение от курса, обозначенного владельцами бизнеса, является покушением на права собственности. Подобное самовольство обрекает представителя техноструктуры на увольнение, а в худшем случае — на арест⁵.

Склонность «растворять» капитализм в индустриализме, подчинять

³ **К. Маркс, Ф. Энгельс.** Манифест Коммунистической партии. — **К. Маркс, Ф. Энгельс.** Сочинения. Т. 4. С. 426.

⁴ См. **Дж. Гэлбрейт.** Новое индустриальное общество. М., 2004. С. 99.

⁵ См. **Ч. Р. Миллс.** Властвующая элита. М., 1959. С. 243. Кроме того: **C. W. Mills.** White Collars. The American Middle Class. N. Y., 1959.

отношения собственности технологическим или научным требованиям — давняя традиция либеральных экономистов и философов. Между тем индустриализм — лишь машинное тело развитого капитализма или его видимая инструментальная, технологическая оболочка. Знакомый нам исторический индустриализм, помещенный вне пределов круговорота товаров и прибылей, за рамками циклов накопления и прав частной собственности, функционировать не будет. Следует также помнить, что капитализм изначально, с момента своего возникновения в XVI веке, являлся крупным, сложно организованным, корпоративным предприятием. В Западной Европе его фактически создала «сверху» абсолютистская королевская власть, учреждавшая мануфактуры, вводившая таможенные барьеры для государственных конкурентов и проводившая энергичную меркантилистскую политику.

Свободный, «маленький бизнес», основанный на «инстинкте мастерства» (термин Т. Веблена), был пасынком индустриальной экономики и развивался на обочине капиталистической линии развития⁶. Не мелкий бюргер, не частный предприниматель творили современный капитализм, хотя их «буржуазный дух» и посодействовал этому. Капитализм — политико-экономическая конструкция банковских воротил, монархической власти и торговых гильдий. Кажущееся исключение составляют США, где в 1870—1890-х годах сталелитейные заводы и железные дороги были вроде бы построены рисковыми одиночками (Морган, Карнеги, Меллон), названными «капитанами индустрии». Но и там период условной вольницы длился недолго. К началу

⁶ Маргинальный, побочный, вторичный характер так называемого свободно-предпринимательства, конкурентного рынка и «независимого» от государства частного бизнеса детально исследован в работах Карла Полаanyi.

XX века все промышленные отрасли США были подчинены крупному организованному капиталу, создавшему особые формы авторитарной жизнедеятельности — картели, синдикаты и тресты.

Следовательно, подлинным интегратором мирового капитализма являлась не частная собственность (крестьянина, мелкого торговца или ремесленника) вообще, но исключительно *крупная* частная собственность. Известно, однако, что кардинальная противоположность крупной и мелкой собственности, которая и предопределяет деление общества на малочисленный правящий класс и подчиненное ему пассивное большинство, в современном индустриальном мире тщательно маскируется.

Почему так происходит? Выше мы отметили, что капитализм не тождествен «голой» экономике, не равен товарно-денежным отношениям. Зрелый либеральный капитализм — развернутая и многоуровневая система политико-идеологического и хозяйственного господства. Она включает в себя: ограниченный рынок, автономного индивида, потребительский фетишизм, расчетливое и бюрократизированное серийное производство, формальную демократию, гибкое и симулятивное мышление, способное доказать или опровергнуть все что угодно (философия постмодерна). Но, подобно любой системе господства — архаически-племенной, традиционной или теократической, капитализм нуждается в легитимации, оправдании собственных претензий на абсолютную власть и окончательную истину. При этом в отличие от старых типов властного порядка капитализм, основанный на частной собственности, то есть на экспроприации, отчуждении от общества ценностей, этим обществом созданных, не может прямо освящать фигуру властителя — будь он царем, президен-

том или вождем. Настоящие господа жизни оказываются в его рамках анонимными и диффузными: их нельзя достоверно выявить, отфильтровать и ухватить «за хвост». Это обстоятельство и позволило американскому политологу Р. Далю назвать современный буржуазно-демократический строй в его североамериканском исполнении «полиархией»⁷.

Кроме того, капитализм не может оправдывать технический порядок господства напрямую, хотя демократия и превозносится как «священный принцип». За сакральной природой демократии в капиталистической системе проглядывает фигура «свободного индивида», который и служит подпоркой для оправдания формальных демократических процедур. Не готово индустриальное общество, воспитанное на атеистической идеологии, «обожествить» и саму идею власти. Такой вариант гениально описан Дж. Оруэллом в романе «1984». Но оруэлловская антиутопия не реализуема в парадигме универсальной товарной формы, прибавочной стоимости и цикла накопления. В результате управляющей буржуазии остаются только косвенные способы легитимации. Но и этого оказывается достаточно.

Легитимировать себя в глазах народа капитализм способен прежде всего за счет расширенного толкования принципа частной собственности. И далее — посредством всестороннего освящения абстрактного права собственности «вообще». Но поскольку в парадигме буржуазного сознания «благодетельно» лишь то, что обладает весом, массой, размером⁸, постольку на первый план выставляются массовые, наиболее очевидные, бытовые отношения собственности — парцеллярные или мелкобуржуазные.

Иначе говоря, «свободный гражданин» или «частное лицо», независимо от того, каким статусом он наделен — бюргера, вольного хлебопашца, профессора, лавочника или искусного ремесленника, и есть та почетная, высшая инстанция, через которую легитимируется сам организованный капитализм, а наряду с ним и его ключевое основание — право крупной частной собственности. В конкретно-исторической ретроспективе оправдание капитализма осуществляется через популяризацию и освящение институтов западноевропейского гражданского общества, то есть через идеологическое превознесение того конгломерата частных лиц, где, по выражению Адама Смита, «каждый человек — торговец». Для среднего европейца эпохи индустриальной революции владение чем-то весомым — домом, земельным участком, лавкой или мастерской есть тот пропуск, который помогает ему «войти» в сообщество свободных граждан, имеющих право голоса. Не случайно в западноевропейских странах и в США вплоть до первой четверти XX века право собственности на недвижимое или ценное имущество давало и избирательное право, то есть право на участие в демократической процедуре.

Между тем ясно, что фальшиво весомерную, «порченую» собственность обычных граждан, из которых к началу 1960-х годов на Западе был вылеплен массовый средний класс, нельзя сопоставить (по реальному политическому и хозяйственному влиянию) с авторитетом крупной собственности, находящейся в распоряжении правящей элиты. С другой стороны, право состоятельного инвестора на долю в корпорации ценой в 3 миллиарда долларов и право небогатого фермера на крохотный участок земли в пригороде ценой в 20 тысяч долларов юридически и формально неотличимы друг от друга. Во всех гражданских кодексах развитых стран владельческие права

⁷ См. **R. Dahl**. *Modern Political Analysis*. Englewood Cliff (N. J.), 1991. P. 131.

⁸ См. **В. Зомбарт**. *Буржуа*. М., 1994. С. 265.

на имущество очень давно (во Франции — еще при Наполеоне Бонапарте) были уравнены по статусу и оторваны от специфики или величины объектов собственности. Так утверждалось либеральное равенство прав индивидов на теоретическую возможность обладания каким-либо имуществом; через равенство же прав на абстрактную собственность подтверждалось и гражданское равенство людей. С позиции либеральной идеологии миллиардер из Чикаго и безработный из трущоб Детройта в этом плане ничем не отличаются друг от друга. Оптимальным методом оправдания крупной собственности, таким образом, оказывается наглядная и повсеместная легитимация собственности мелкой, бытовой, распыленной.

Мелкая буржуазия XIX столетия, ставшая прародителем современного среднего класса, определяла себя посредством частичного владения над условиями собственного труда. Следуя формуле К. Маркса, подчеркнем, что мелкий буржуа извлекает прибыль из триединого источника — капитала, земли (или профессионального статуса) и личного труда. Доход его, таким образом, формируют проценты на капитал, рента и заработная плата. Однако, в отличие от классической мелкой буржуазии, массовый средний класс никогда не владел условиями труда, а, напротив, был подчинен им. Он изначально являлся классом наемных, хотя и привилегированных, работников, а потому жил в основном на заработную плату. Настоящие мелкие предприниматели, независимые фермеры и лица «свободных профессий», работающие на себя, всегда составляли в западном среднем классе небольшую долю — от 5 до 12 процентов.

А потому не собственная лавка, мастерская или участок плодородной земли оказались здесь факторами оправдания частной собственности. В период с 1950-х по середину 1980-х

годов из сообщества наемных работников было целенаправленно выковано массовое среднее сословие с другими источниками благосостояния. По указанной причине популярное среди западных социологов деление среднего класса на «новый» (управленцы и профессионалы) и «старый» (мелкие предприниматели, фермеры), на наш взгляд, не имеет смысла⁹. Во-первых, потому что на Западе всю вторую половину XX века доминировал «новый» средний класс. А во-вторых, потому что назначение среднего класса состояло в первую очередь в том, чтобы оправдывать принцип крупной частной собственности.

С дозволения правящих элит западноевропейский и американский средний класс обеспечил себе высокий регулярный заработок. Люди «среднего класса» — опытный рабочий, инженер, учитель, служащий, врач государственной клиники — стали по-своему богаты. Они имели комфортный дом в пригороде, дачный коттедж на природе, две машины на семью, возможность три или четыре раза в год проводить отпуск в любой точке земного шара. И конечно, у них была возможность обучать детей в престижной школе и далее — в достойном университете. Все это в совокупности породило феномен, который социологи именуют психологической и социальной «автономией» среднего класса. По существу, истинным членом западного среднего класса был тот человек, который мог рано или поздно за свои деньги или в кредит купить все, что ему хочется в рамках его понимания смыслов и ценностей жизни (пресловутый *standing*).

Впрочем, одним указанием на широкое распространение мелкой собственности, которая якобы равна крупному частному владению, либеральный

⁹ См. М. Кивинен. Средний класс в современной России. — «Мир России». 2004. № 4. С. 147.

капитализм не решал в полной мере проблему собственного политического оправдания. Дополнительным шагом в этом направлении стало искусное и малозаметное для большинства населения перенесение сферы свободного выбора из области морали и практики в область потребительского, товарного предпочтения. Товарное изобилие или гедонистическое мировоззрение «общества растущего потребления» в результате вытеснили и заменили изначально ценные протестантские идеи «производительного труда» и ответственности человека за личную судьбу.

Еще одним прикрытием антагонистического, господского характера частной собственности стали концепции «свободного предпринимательства» и «свободного рынка». Развитые К. Поппером, М. Фридманом, Ф. фон Хайеком и Л. фон Мизесом в 1950—1970-е годы, эти теории, особенно популярные в США, обосновывали разницу социальных статусов не исходной классовой позицией человека в системе владения крупной собственностью, но ленью или, наоборот, трудолюбием, а заодно умением «творчески мыслить», «находить свежие предпринимательские решения». Вплоть до начала 1990-х годов идеология «свободного предпринимательства» сохраняла популярность у активных граждан в Западной Европе и США. Нервный ажиотаж по поводу «равных шансов на деловой успех» начал затихать к началу 2000-х, когда правящим элитам стало окончательно ясно, что сохранить массовый средний класс и прежнюю систему легитимации политической власти не удастся.

Дополнительно оправдывало претензии капитализма на тотальное господство превращение универсальной товарно-денежной системы из общественного продукта в миф, то есть в природное явление, которое существует извечно и не может быть преодолено никакими человеческими уси-

лиями. В такой же миф превратилось и либеральное понятие «индивид»¹⁰. Подобную мифологию, впрочем, многочисленный средний класс на Западе принял терпимо и благосклонно. Ведь признание одномерного пути капиталистического развития теоретически закрывало выход «по ту сторону» сложившегося положения дел и избавляло пока еще сытых людей от трудных размышлений и моральных страданий. Знаменитый «одномерный человек» Герберта Маркузе — это, конечно, представитель массового среднего класса. Он грезит о большой свободе, но реально находит ее только в плоском ракурсе житейских и биологических потребностей¹¹.

Несмотря на многообразие способов легитимации капиталистического господства, главным тут остается одно: «железное» и вечное доказательство неотчуждаемости прав частной собственности. Принципы демократии, толерантности, свободы слова или свободы шестивий не образуют настоящий идейный каркас капиталистического общества. Они лишь удачно и ситуационно маскируют глубокий водораздел, отделяющий правящую буржуазную элиту от класса наемных работников. Последний класс сегодня уже не является чисто «пролетарским» по Марксу. Но от этого его стесненность и закрепощенность не уменьшились. Как мы увидим дальше, зрелый капитализм при нужде прекрасно обходится без либеральной теории и либеральной практики, скатываясь в тотальную деспотию.

¹⁰ С либеральной мифологией индивида спорит Мишель Фуко: «индивид — это не инициальная, и не самая острая форма, в которой презентуется жизнь. Он был дан знанию лишь в конце долгого движения пространственного распределения, решающим инструментом которого было определенное использование языка и трудная концептуализация смерти» (М. Фуко. Рождение клиники. М., 2010. С. 209).

¹¹ См. Г. Маркузе. Одномерный человек. М., 2003. С. 255.

Позиции среднего класса укрепляли институты гражданского общества: независимый суд, правовые кодексы, сильные профсоюзы, способность к самоорганизации, наличие множества локальных сообществ, муниципальное самоуправление, многопартийные выборы, всеобщая ответственность и «равенство» перед законом. Более того, состоявшееся гражданское общество формально ограждало свободного человека от произвола «власть имущих», создавало ему гарантии благоденствия. Но в полном соответствии с теорией А. Грамши, сообщество бюргеров, заключивших договор о «ненападении», есть лишь тонкий и изощренный инструмент гегемонии правящего класса.

Капитализм в его либеральной вариации необходимо опирается на гражданское общество и на массовый средний класс. Подобно англичанам в азиатских колониях, правящие буржуазные элиты в обычных условиях, когда возможности для экономического роста безграничны, выбирают мягкие, непрямые методы правления. Демократия в данном случае представляла техническую форму косвенного господства. Вспомним примечательные слова Карла Шмитта: «Демократия сама по себе просто форма, она не имеет никакого политического содержания»¹². С другой стороны, отказ от демократии предполагал разрушение среднего класса. Впрочем верно и обратное. Ликвидация массового среднего класса неизбежно вела к слову институтов либеральной политической демократии.

Бурный процесс размывания среднего класса, который начался еще в 1990-е годы с разрушения средних слоев в Аргентине, Бразилии и Мексике, ныне охватил все страны развитого Запада, включая такие оазисы довольствия, как Новая Зеландия или Норве-

гия. Веская причина, побудившая господствующую элиту Запада отменить привилегии массового потребителя, заключается в том, что глобальный капитализм уперся в пределы накопления и роста. Другие страны мира — как относительно развитые, так и отстающие, — пассивно присоединились к избранному курсу.

Потребность в росте заложена в природе капиталистической экономики. Капитализм должен непрерывно расширять собственные границы, дабы избыточный капитал находил для себя экономически выгодное применение. Любая остановка циклов накопления влечет крах системы буржуазного господства. Но глобальный мир окончательно сложился к середине 1990-х годов. Последней попыткой территориального расширения «за чужой счет» была экспроприация Западом рынков СССР и государств бывшего социалистического блока в целом. Накопление же глобального капитала идет двумя способами:

— посредством внешней агрессии и империалистической товарной экспансии: через завоевание пространств и расширение рынков сбыта или

— за счет внутреннего или внешнего ограбления слабых и незащищенных слоев населения либо за счет экспроприации собственности у «чужих» капиталистов, не входящих в состав мировой элиты или изгнанных по каким-то причинам за ее пределы. Подобный метод экспроприации Дэвид Харви называет «накоплением путем лишения прав владения»¹³.

Современный капитализм — не боевой империализм начала XX столетия, перед которым простирался огромный и пока не освоенный дикий мир, полный деловых шансов. Нынешний глобальный капитализм — вялый, утомившийся, «бедный» постимпериализм.

¹² К. Шмитт. Политическая теология. М., 2000. С. 168.

¹³ D. Harvey. The New Imperialism. Oxford, 2003. P. 16.

лизм, скованный пределами собственного роста. Экономический простор для извлечения прибылей и уверенного накопления сегодня крайне узок: ведь хозяйственная периферия Запада давно обобрана до последней нитки. Будучи глобальным, всемирным явлением, постимпериализм не способен расширяться куда-либо спонтанно. Возможным решением было бы новое стимулирование спроса за счет увеличения зарплат для наемных работников. Но на это мировая правящая элита не идет: то ли в силу алчности, то ли в силу недалёковидности.

Вместе с тем принцип циклического накопления никто не отменял. А это значит, что капиталистическая система обязана найти новый вариант роста. И лучшим выходом здесь оказывается экспроприация среднего класса, слом остатков государства «всеобщего благоденствия» и переход к новым методам принудительного и фрагментарного (неглобального, а регионального) накопления. Подобный сдвиг предполагает отказ от либеральной концепции «прав человека», распад политической демократии и строительство регламентированной системы тотального государственного капитализма. При таком раскладе самодеятельный индивид утрачивает способность произвольно выбирать стиль жизни («Liberty»). Его личные устремления без остатка поглощает интегрированная «воля общества» («Volksgemeinschaft»). Она официально диктует индивидам дозволенные правила поведения и допустимые аксиомы мышления.

Оптимальной формой организации такой деспотической воли, оправдывающей сохранение частной собственности, становится тотальный государственный капитализм. Мы ведем речь именно о *тотальном* государственном капитализме, а не о его смешанных, государственно-частных, квазилиберальных вариациях. Квазилиберальный госкапитализм, подобно

зрелому капитализму англосаксонской метрополии, основан на открытом понятии частной собственности. В последние десятилетия он укоренился во многих периферийных странах: в Бразилии, Аргентине, России, Индонезии и т. д. Такой частно-государственный капитализм — соглашательский, компрадорский тип социально-экономического господства.

Легитимация прав собственности в его рамках происходит, как в индустриальных странах Запада — через оправдание мелкой собственности (Египет после Насера, Индонезия при генерале Сухарто, Россия на заре 1990-х) и шире — через освящение либеральных свобод и «гражданского согласия». Но поскольку в периферийных странах никогда не существовало устойчивого гражданского общества и не было относительно автономной мелкой буржуазии (бюргерства), постольку легитимация прав частной собственности шла опосредованно — через освящение и популяризацию западных стандартов и потребительского образа жизни. Само наличие «процветающего», манящего Запада в этой ситуации было наилучшим оправданием принципов локальной буржуазной власти.

Учитывать коренную непохожесть тотального государственного порядка и обычных квазилиберальных форм капитализма крайне важно. Лишь тотальный государственный порядок выводит легитимацию прав собственности на новый уровень, создавая условия для новой фазы капиталистического накопления. Частная собственность здесь оправдывается превращенным или хитро опосредованным образом. Она как бы «исчезает» в совокупном общественном интересе, трансформируется в делегируемую собственность, принадлежащую будто бы «всем». Но оперативное управление коллективной собственностью попадает в руки назначенцев из состава правящей элиты. Смена угла атаки, переход от воспе-

вания индивида-гражданина к превознесению тотальной коллективной воли делает излишними институты формальной демократии, а гражданское общество (если оно до этого успело сложиться) сводится к растительным первоосновам — к самым примитивным и одновременно функциональным моделям самоорганизации.

Классический пример такого упрощения — соглашение о взаимных уступках «труда и капитала», заключенное в нацистской Германии между наемными работниками, которые отказывались от забастовок и повышения зарплат, с одной стороны, и владельцами предприятий, ограничившими прибыльность бизнеса «минимально возможным» уровнем, с другой. В этом плане развитое гражданское общество уступчиво и инфантильно. Оно не препятствует установлению тотальной диктатуры капитала. Напротив, как и показывал А. Грамши, институты гражданского общества, и прежде всего его активная способность к низовой самоорганизации, — отличная питательная среда для формирования фашистских и квазитоталитарных режимов разного толка. Напомним, что «мягкий» диктатор Марсело Каэтано, ставший в 1969 году преемником Антонио Салазара в корпоративистской Португалии, был истовым поклонником гражданских свобод и инициатив. Он так прямо и говорил, что «потеря гражданской свободы ведет к рабству — низведению человека до юридической категории “вещи”»¹⁴. Пристальный интерес к коммунальному единению (принцип *фасции*) был присущ и Бенито Муссолини (и в конечном итоге именно он и дал *фашизму* его самоназвание).

У капитализма, столкнувшегося с пределами роста и желающего сохранить себя, есть две альтернативы: оп-

равдывать частную собственность через полное распыление ее в тотальном бюрократическом капитале либо освящать ее через остаточные структуры гражданского общества, подчиненные все тому же бюрократическому капиталу. Исторически осуществились три способа легитимации капитализма: через средний класс и сложно организованное гражданское общество (современный Запад); через остаточные гильдейские, цеховые, корпоративные организации («нуово эстадо» А. Салазара в Португалии и Ж. Варгаса в Бразилии, франкизм в Испании, режим гоминьдана в Китае) и наконец через соборное или спаянное общество-коммуну, чей интерес воспринимают и транслируют правящие «народные», а фактически бюрократические/партийные элиты, выполняющие роль совокупного капиталиста: сталинский СССР, Венгрия при Ракоци, маоистский Китай, Северная Корея, Албания Энвера Ходжи.

Однако промежуточный и компромиссный второй вариант, при котором тотальный госкапитализм обустроивается частично и декларативно, оказывается чересчур слабым, уступчивым методом правления. Легитимация капитализма через остаточные гильдейские структуры востребована в экономически успешной зоне периферии в обстановке внутреннего гражданского раскола. В ситуации мирового кризиса гильдейский, или цеховой, принцип нивелируется и растворяется в более широком, тотально-социальном требовании. Отсюда происходят две предельные формы социального порядка, организованного на базе госкапитализма: тотально-гильдейская и тотально-общинная. Эти две формы тотального капитализма были реализованы в виде итальянского фашизма, германского национал-социализма (радикальная версия) и сталинизма, обретшего на местах специфический национально-культур-

¹⁴ *Цит. по: Р. М. Капланов.* Португалия после Второй мировой войны, 1945—1974. М., 1992. С. 43.

ный облик (советская модель 1929—1955 годов, маоизм в Китае, политика чучхе в Северной Корее, тоталитаризм Э. Ходжи в Албании).

Представляется, что фашизм возникает в европейских странах, имеющих относительно развитое гражданское общество и частично индустриализованную экономику, — в Италии, Германии, Испании (с поправкой на умеренный либерализм Франко), в Словакии времен Тиссо и т. д. В момент появления фашизма в этих странах отсутствовал массовый средний класс, но имелась относительно влиятельная мелкая городская и сельская буржуазия, выросшая из средневекового бюргерства. Мелкий буржуа повсеместно становился массовой социальной базой фашизма, и именно это позволило пристрастным историкам и публицистам-дилетантам называть фашизм «диктатурой мелких лавочников»¹⁵, что явно не соответствует исторической реальности. «Лавочники» при фашизме, как и средний класс в либеральном государстве, играют роль маскировки, идеологического прикрытия, тогда как истинным продюсером и организатором власти в обоих случаях является крупный финансово-промышленный капитал. Не зря после Второй мировой войны представители крупного немецкого капитала (Круппы, Тиссены) не были осуждены и не лишились прав собственности.

Тотально-государственному капитализму «гражданского толка», то есть классическому фашизму, свойственны неприкрытая агрессивность и стремление к расширению «Lebensraum» («жизненного пространства»). Разные фашистские режимы по-своему оправдывали необходимость ведения наступательной войны. Так, Муссолини

обосновывал итальянское завоевание Ливии необходимостью переселения избыточного сельского населения, а война в Эфиопии стала неудачным средством по восстановлению утерянного «римского престижа». Для национал-социалистов идеей фикс стала концепция расового и континентального «германского мира», населенного по периферии вассальными (французы, словенцы) и рабскими (поляки, русские) народами. Для хортистской Венгрии политическим стимулом к ведению войн стало восстановление «округлой» мадьярской империи. Образцовый национал-социалист А. Павелич, переиначивший учение Гитлера на хорватский лад, фактором агрессии считал сербскую и цыганскую «угрозы». В то же время умеренные, гильдейские фашистские режимы А. Салазара или Ф. Франко агрессивных войн не вели (присутствие испанской «голубой дивизии» на Восточном фронте не в счет). И потому оба они вышли из катастрофы Второй мировой войны без каких-либо территориальных и политических потерь.

Не стоит, впрочем, поверхностно истолковывать агрессивность фашизма как обычный геополитический натиск. На самом деле фашизм побуждал к внешней агрессии отнюдь не идеологические, географические или чисто политические факторы (хотя их явно не стоит сбрасывать со счетов), а потребность в капиталистическом накоплении за счет «лишения прав владения» тех лиц, предприятий, народов и стран, которые были признаны «чужими». В этом аспекте немецкий антисемитизм был разделительной чертой, позволявшей легко и наглядно межжевать имущественные права на «истинные» и «сомнительные». В целом в экономической и военной политике «классических» фашистских режимов отчетливо просматривается частный интерес крупного капитала — как местного, так и глобального, искусно

¹⁵ Подобные теории были очень популярны у официальных немецких историков. Об этом см.: **Л. А. Мерцалова**. Германский фашизм в новейшей историографии ФРГ. Воронеж, 1990.

замаскированный под тотальный интерес нации или расы.

Сталинизм подобно фашизму был формой тотально-государственного управления капиталом. Но возник он в странах, где либо никогда не было гражданского общества (Северная Корея, Албания), либо оно имело зачаточный и замкнутый характер (русская община, китайский коммунитаризм). Право крупной частной собственности в такой системе легитимируется посредством строительства мощного государственного сектора и с помощью яростной, но фальшивой апелляции к «общественному благу». Конечно, и в русской революции 1917 года, породившей в конечном итоге (к 1927-му) сталинизм, и в китайской революции 1949 года, создавшей маоистскую народную диктатуру, присутствовали антибуржуазные и идеалистические коммунистические тенденции. Но они имели вторичную природу и постепенно были подавлены (в СССР) либо вытеснены на обочину общественной жизни (в КНР).

Таким образом, следует отказаться от стандартного противопоставления фашизма и коммунизма, как, впрочем, и от присущего либеральным кругам отождествления двух этих моделей социального порядка. Фашизм и национал-социализм были социально-политической реальностью, тогда как коммунизм неизменно оставался лишь утопическим мировоззрением, не нашедшим полноценного организационного воплощения. В тех странах, которые в XX столетии по наивному предубеждению назывались «коммунистическими», никакого коммунизма в духе Платона, Т. Кампанеллы, Ш. Фурье или тем более К. Маркса, (все они исключали товарно-денежные отношения и прибыль) никогда не существовало. Исключение составляет лишь эксперимент «красных кхмеров» в Камбодже: те и впрямь попытались воплотить казарменный, деревенс-

кий идеал совместной трудовой жизни. Но этот насильственный поворот вспять носил не только откровенный антикапиталистический, но и выраженный архаический, реакционный, да еще и садистский характер. По существу же, капитализм в XX столетии нигде не терпел поражения¹⁶. Следовательно, проводя анализ предельных социальных форм, следует помнить, что утвердившийся в СССР в 1929—1953 годах сталинизм — это не коммунизм и даже не социализм!

Один из первых исследователей феномена советского тотального госкапитализма Тони Клифф писал, что «государственный капитализм есть крайняя противоположность социализма»¹⁷. В этом ракурсе троцкизм и его побочный наследник — латиноамериканский геваризм были действительно, хотя бы на уровне идеологии, последовательно революционным антибуржуазным течением. Сторонник «перманентной революции» Лев Троцкий прекрасно осознавал, что до тех пор, пока в мире остаются крупные ареалы капиталистического производства, никакой социализм, не говоря о коммунизме, построен быть не может. Троцкий, ошельмованный Сталиным как «предатель дела Ленина», понимал и то, что истинный коммунизм способен развиваться только за пределами универсальной товарной формы и вне рамок циклов экономического накопления. Отсюда проистекает и его несколько наивная апологетика «военного коммунизма».

Напротив, тотальный государственный капитализм, сотворенный в 1928—1934 годах Сталиным и его привер-

¹⁶ Об этом всеобщем триумфе современного капитализма, не нашедшем пока настоящего политического врага, обстоятельно пишет, например, французский социолог Жорж Батай (см. **Ж. Батай**. Проклятая часть. М., 2006. С. 202 и далее).

¹⁷ **T. Cliff**. Stalinist Russia. A Marxist Analysis. L., 1955. P. 140.

женцами, включал в себя и универсальную товарную форму, и прибавочную стоимость, и цикл накопления (этим направлением заведовал Госплан)¹⁸. В сталинизме, конечно, присутствовали элементы уравниловки и «пролетарской солидарности», но советский госкапитализм при его народной бутафории был частнособственнической, эксплуататорской хозяйственной системой. Вот только роль частного собственника в СССР исполнял не элегантный и смелый буржуа-индивид, упоительно обрисованный Вернером Зомбартом, и не цеховое сообщество грюндеров, ведущих дела в чопорном прусско-юнкерском стиле, а корпоративная по форме и кулацкая по духу элита коллективных партийных собственников. Как известно, с подачи Михаила Восленского этот класс партийцев-буржуа принято называть «номенклатурой»¹⁹. Сам термин был введен Сталиным в бюрократический оборот, конечно, раньше; но только после Восленского понятие стало использоваться для анализа системы советского государственного капитализма.

После 1955 года в СССР начался сдвиг от тотальной системы управления к компрадорскому квазилиберальному капитализму. Этот переход страным образом получил наименование «оттепель». Однако «согреть» и «утеплять» там по большому счету было нечего. СССР изначально выстраивался под тотальный госкапиталистический имперский проект. Его предельный социальный строй был экспериментом по отладке способов капиталистического накопления, альтернативных либеральной модели. В этом смысле

отказ от социальной справедливости, а равно слом мощного государственного капитализма, состоявшиеся в 1991 году, следует рассматривать как закономерные процессы. Мимикрия бывшей партийной номенклатуры и ее быстрое преобразование в класс новых собственников обусловлены тем, что трансформация СССР в территориально общипанную Российскую Федерацию проходила в формате одного строя. Впрочем 1990-е годы для ассортимента в состав модернизированной российской элиты были включены цеховики, фарцовщики, лидеры бандитских группировок и уполномоченные интеллигенты либеральной закваски.

Вместе с тем сталинизм необходимо оценивать объективно. Наряду с негативными явлениями, в нем, как и во всяком сложном общественном феномене, присутствовали здоровые и прогрессивные моменты. Так, Советы народных депутатов, появившиеся в революционной России в 1905 году и дожившие (впрочем, в извращенной форме) до 1993 года, в основе своей являлись здоровой антитезой выхолащенной парламентской демократии. Разница между фашизмом и сталинизмом, помимо прочего, состояла в том, что фашизм опирался на гильдейские союзы мелких буржуа, а сталинизм находил социальную подпорку в региональных Советах. По сравнению с отточенными гильдейскими механизмами коммунального объединения, эти Советы были более разболтаны и мягки. Их отличало нейтральное, а порой и пренебрежительное отношение к профессии и к личному призванию.

Советы — форма показного, благодушного народовластия. Они, проникнутые сакральной и тотальной соборностью, отрицали ценность индивида, который-то и на Западе всегда был фикцией, и отвергали значение профессиональной специализации. Ленинская фраза о том, что «любая кухарка может управлять государством», в пол-

¹⁸ Подробнее об особенностях и эволюции советского госкапитализма см. **А. А. Здоров**. Государственный капитализм и модернизация Советского Союза: Марксистский анализ советского общества. М., 2006.

¹⁹ См. **М. Восленский**. Номенклатура. М., 2005.

ной мере отражает идейные первоосновы советского строя. Несмотря на свою дальнейшую бюрократическую мутацию, Советы являлись отличным прикрытием для роста и укрепления тотального госкапитализма. Они представляли собой скороспелый, вынужденный и во многом искусственный (на тот момент) способ политической организации.

Советы возникли в царской России в ситуации, когда отечественным мещанам пришлось взвалить на себя непосильную ношу деловитого западноевропейского бюргера. А российские мещане, критично описанные М. Горьким и А. Чеховым, суть недоделанные, половинчатые европейцы, ошарашенные избытком свободы. Им катастрофически не хватало настоящей западной сосредоточенности, цепкости и боевитости. В том числе и по этой причине в брежневский период относительной сытости в Советском Союзе так и не возник более-менее устойчивый, автономный средний класс. С другой стороны, отсутствие в России вольного бюргера и гильдейской самоорганизации предотвратило возможное сползание государства в фашистские эксперименты. Партийная номенклатура и система соборного управления взаимно сдерживали и укрепляли советский сталинизм.

В такой ситуации идейный или политический акцент на национальном приоритете русского народа был излишен и вреден. Отвлеченный «национал-большевизм», придуманный на рубеже 1930-х годов Николаем Устряловым, никогда не существовал в качестве реального общественно-политического строя. Данное понятие исполняло роль утопического образца, под который в СССР негласно подлаживались контуры сталинского государства. Возвращение в 1943 году погон и офицерских званий, введение униформы для чиновников, обращение к имперской риторике, расширение границ СССР

в 1945 году до размеров царской России (за вычетом шляхетской Польши и бюргерской Финляндии), строительство монументальных небоскребов в Москве, хвала отечественным изобретателям паровоза и радио — все это отвечало эстетическому идеалу национал-большевизма. Но политическое содержание реального сталинизма мало совпадало с регулирующей идеей Н. Устрялова и поддержавших его «сменовеховцев».

С социологической точки зрения было бы любопытно сравнить реальный национал-социализм и декларативный национал-большевизм. Не вдаваясь в детали, заметим, что национал-социализм — это социал-демократический фашизм с креном в нацизм, а национал-большевизм — коммунистическое самодержавие с опорой на почвенничество и «исторический дух народа». Отдадим должное политическому чутью Иосифа Сталина, который в 1932 году сумел разглядеть родственную природу гитлеровского национал-социализма и немецкой социал-демократии. Тот же Сталин, впрочем, так и не решился сделать окончательную ставку на почвенничество и «дух народа». В итоге национал-большевизм остался такой же утопической конструкцией, как фурьеризм или прудонизм.

При всех внешних культурных и идеологических отличиях сталинизма и фашизма, особенно проявленных жестокой Отечественной войной 1941—1945 годов, было бы неразумно толковать эти предельные формы в традиционном историческом или социологическом ключе, то есть как извечные антиподы друг друга²⁰. Если

²⁰ На радикальном контрасте германского национал-социализма и советского сталинизма немецкий историк Эрнст Нольте выводит сомнительную теорию возникновения фашизма из реакции на угрозу большевизма (см. **Э. Нольте**. Европейская гражданская война (1917—1945). Национал-социализм и большевизм. М., 2003).

понимать фашизм и сталинизм как две разновидности тотального госкапитализма, то становится прозрачной и их генетическая связь.

Оба предельных порядка растут из одного корня — из стремлений глобального капитализма к росту и самосохранению через формирование нелиберальных, хищнических систем правления при отсутствующем среднем классе. Не случайно, развитию национал-социализма и сталинизма, а позднее и маоизма в Китае, помогли одни и те же финансовые группы из США и Великобритании²¹. Несмотря на двоюродное родство, фашизм и сталинизм в конкретной исторической ситуации могли конфликтовать между собой, стремясь к взаимному уничтожению. Их военное соперничество не свидетельствует о вечном антагонизме, а выражает дарвинистский интерес глобального капитала. Мировая элита всегда делала ставку на самые стойкие формы социальной организации. И война нацистской Германии и СССР позволяла ей выявить временного победителя. Впрочем после 1945 года советский тотальный госкапитализм не стал для глобального капитала «спасительной лазейкой», поскольку в тот период мировая система еще не уперлась в границы экономического роста.

Конечно, сталинизму также была присуща естественная агрессивность. Но агрессивность эта имела не внешний, империалистический, а внутренний, репрессивный, характер. Она была подчинена задаче не столько политической (уничтожение или нейтрализация конкурирующих элитных кланов, каковыми были московские процессы 1935—1938 годов или «культурная революция» в Китае), сколько экономической. Товарно-денежный,

или экономический, аспект внутренних репрессий предполагал «накопление путем лишения прав владения», то есть экспроприацию собственности у «чужих» социальных групп — крестьян, мелких торговцев, независимых предпринимателей и заводчиков.

Удушение нэпа и сталинская коллективизация, маоистская национализация частной промышленности, репрессии частного сектора, организованные Н. С. Хрущевым в 1950-е годы, — примеры целесообразной агрессии против «ущербных» социальных слоев. Но, как любое проявление социальной ярости, стихийная воинственность нередко оборачивается иррациональной гобсовской борьбой «всех против всех». Апофеозом такой безразмерной внутренней агрессии стала экспроприация «красными кхмерами» имущества, свободы и жизни у камбоджийского интеллектуального класса.

Так или иначе, сталинизм — это общество латентной гражданской войны. В то же время фашизм есть предельный социальный порядок, нацеленный на перманентное ведение наступательных, внешних войн. Заметим, впрочем, что и либерализм порождает свою форму рассредоточенной агрессии — организованный бандитизм и стихийную уличную преступность.

Соотношение трех типов социального порядка схематически представлено на Рисунке 1.

Не следует воспринимать рассмотренные выше предельные формы как некий анахронизм или исторический реликт, безвозвратно ушедший в прошлое. Логика развития глобального капитала ведет к тому, что мир будет вновь фрагментирован и разделен на зоны влияния тотальных систем управления: воинственного фашизма, с одной стороны, и репрессивного сталинизма, с другой. Конечно, конкретное историческое «наполнение» этих форм предсказать нельзя. Но можно предвидеть, что правый вариант то-

²¹ См.: Э. Саттон. Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998; М. Саркиняц. Английские корни немецкого фашизма. СПб., 2003.

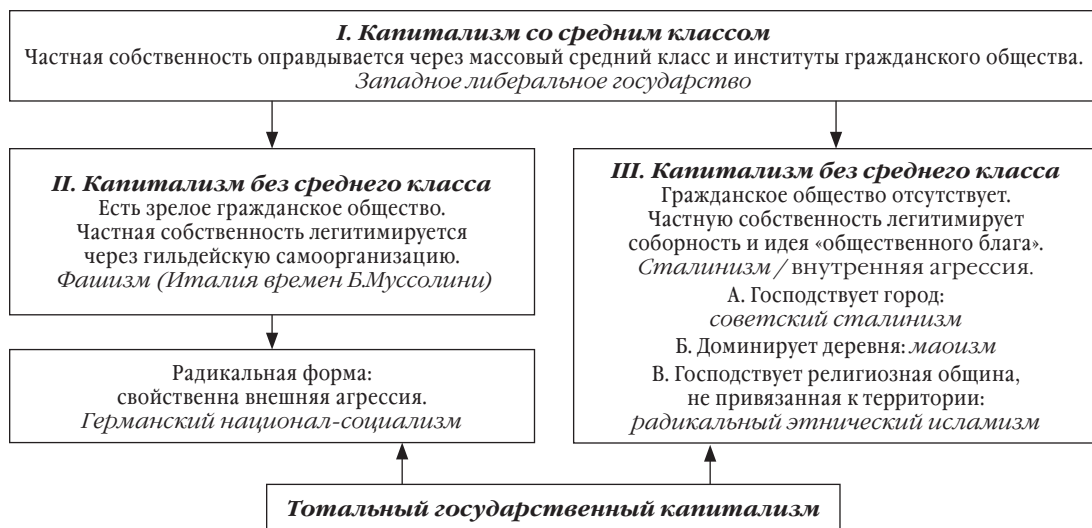

Рис. 1.

тального господства будет представлен или гильдейским фашизмом, или национал-социализмом, граничащим с расизмом. В то же время левый фланг тотального госкапитализма будут формировать советский сталинизм, маоизм или этнический исламизм радикального толка.

Любая из перечисленных вариаций тотального госкапитализма будет экономически подчинена универсальной товарной форме, гонке за прибылью и циклу накопления, а политически — крупной финансовой элите. Ни о какой суверенности в данных обстоятельствах речи не идет. Не приходится говорить и о каком-либо третьем, по-настоящему альтернативном пути развития общества, который пролегал бы за рамками капиталистического воспроизводства. Вместе с тем предельные социальные формы являются имперскими структурами, всецело отрицающими глобальный культурный или хозяйственный мир. Логика капиталистической трансформации обязывает их выстраивать собственный, территориально протяженный, но отграниченный от «варварских пространств» универсум, где будут действовать законы фашизма или нормы мобилизационного, бюрократи-

ческого сталинизма. Ведь буржуазный проект «тотальной государственной империи»²² исключает концепцию «глобального мира».

К примеру, создание исламского халифата возможно сегодня только на традиционно имперской, антиглобальной, замкнутой основе, то есть с опорой на этнический (арабы) или на цивилизационно-культурный (османизм, парсизм) факторы. Напротив, панисламизм, призывающий к строительству глобальной уммы «правоверных мусульман» и не учитывающий грядущий территориальный распад мира, не имеет политического будущего.

²² США формально вроде бы строят и укрепляют свой мир-империю. Но проблема состоит в том, что, во-первых, нельзя построить империю безграничную, а во-вторых, в том, что дальнейшее накопление капитала требует нового разделения земного шара. И речь тут идет не о «переделе» мира (это вполне реально для США с их военной мощью), а именно о *разделении*, фрагментации земного пространства на обособленные и враждебные зоны. Этот процесс — обратный тому, что происходил в эпоху империалистической конкуренции, когда экономический и военный передел колониальный парадоксальным образом вел к объединению мира и превращению его в глобальную систему циркуляции капиталов.

Показательно, что на стороне глобального мира выступают ныне вчерашние враги: либералы, троцкисты и универсальные (не этнические) исламисты. В их представлении только универсальный, безграничный рынок создает условия для «правильного» исторического развития, цели и смыслы которого они, естественно, понимают по-разному. Но глобальный мир, известный нам, был собран и спаян товарно-денежными отношениями, стремлением к прибыли и желанием увековечить циклы накопления. И эти устремления до сих пор разворачивались в формате либерального проекта.

Нарушение обычного хода вещей, распространение кризиса накопления на все отрасли и на все сегменты общественной жизни, разрушение среднего класса, слом либерального государства подвергают сомнению и принцип глобального мироустройства. Для капитализма шанс на сохранение лежит теперь в плоскости антилиберального,

тоталитарного выбора, когда принцип частной собственности будет оправдан «спаянной общественной волей».

Предельные социальные формы в облике гильдейского фашизма или общинно-религиозного сталинизма оказываются ныне живыми, актуальными перспективами, вышедшими «из мрака» истории. И выбор между фашизмом и сталинизмом — ложный выбор между родственными формами тотального госкапитализма. Ошибкой будет и возврат к либеральной модели буржуазного господства, которая изощренно и демагогически маскирует частнособственнический и авторитарный характер капитализма. Выход за границы ложной дихотомии «фашизм—сталинизм», преодоление искуса либерализма, поиск новых форм социальной организации, которые стали бы настоящей альтернативой и соответствовали достоинству человеческой природы, — вот задача, требующая своевременного решения. ◆